

Страшно интересная игра

Михаил Малахов (в центре) с ульяновским яхтсменом Дмитрием Старцевым и одной из участниц фестиваля «Фрегат «Паллада».

Путешественник Михаил Малахов, исследователь Крайнего Севера, побывал в Ульяновске на географическом фестивале "Фрегат «Паллада»". Он показал видеоматериалы об экспедициях на Северный полюс, Аляску и Алеутские острова. Настоящим открытием стал, например, тот факт, что на землях, проданных Америке вот уже 160 лет назад, до сих пор говорят по-русски, встречают гостей караваем с солью и молятся в православных храмах, построенных нашими первопроходцами. За экспедицию 1995 года, когда Малахов и канадец Ричард Вебер прошли более двух тысяч километров по дрейфующим льдам от Канады до Северного полюса и обратно, Малахов удостоен звания Героя России и медали "Золотая Звезда".

Отправились в Турцию, чтобы попасть на Алеуты

- Михаил Георгиевич, пригождается ли вам в экспедициях ваша профессия - врач?

- Конечно! Я страшно люблю лечить ребят в экспедициях, но они, к счастью, редко болеют. Например, на Аляске мы все с удовольствием ели рыбу и икру, но у некоторых слишком жирная диета вызвала кишечные расстройства. В полярной экспедиции бывали обморожения. Случались мелкие порезы, морская болезнь, легкие простудные заболевания, но в целом все более-менее нормально обходится.

- Как считаете, почему? Все-таки путешествия проходят в экстремальных условиях.

- Потому что мы готовимся тщательно. Какие бы благородные и высокие цели ни ставились перед экспедицией, при современном уровне технологий и знаний не позволено во главу угла

ставить слишком большой риск, тем более с человеческими жертвами. Мы в любом случае рискуем, но всегда готовимся к риску. Главный принцип, которого я придерживаюсь, - безопасность. Это не значит, что мы не предпринимаем сумасшедших попыток. Но перед экспедицией на Аляску мы тренировались, чтобы потом пройти полторы тысячи километров на байдарках по реке Юкон. Мы не яхтсмены, поэтому к походу на Алеутские острова готовились под руководством вашего земляка, яхтсмена Дмитрия Старцева. В Турции проверяли, как переносим морскую качку и насколько подвержены морской болезни, как поведем себя, если будем выброшены за борт. Когда готовились к поиску геодезических сигналов на Шпицбергене, ходили по горной местности. За это я и люблю экспедиции - прежде надо обязательно узнать что-то новое, испытать свои силы. Во время подготовки словно разгадываешь какую-то загадку. Если не уверен, что разгадаешь ее и что люди будут в безопасности, то и заниматься ею не надо, какой бы интересной эта загадка ни была.

- Почему вас тянет именно в холодные места?

- Да с чего вы взяли? Алеутские острова - это, конечно, неприятные условия. Ветер, постоянные дожди, но там не было 40-градусного мороза. Другое дело - Северный Ледовитый океан, но мы не выбирали эту точку из-за условий - в них нам просто надо было решить свою задачу. Пришлось адаптироваться: подобрать одежду, питание, продумать график движения и сна. Перед походом на Шпицберген не стоял вопрос, люблю ли я ходить по горам - да я их просто боюсь! Или иной раз за штурвалом яхты стоишь ночью: шторм, тебя поливает с ног до головы, думаешь: "Не дай Бог, выпадет за борт - и все, не найдут". Страшно невероятно! Но это игра, к которой ты готовился, и ты должен ее пройти и выполнить свою задачу. Другие же проходили. Поверьте, нас не тянет быть замороженными или подвергнуться морской качке, повисеть на обрывке веревки в трещине.

"Ребята, не ходите!"

- Как считаете, какое испытание для человеческого организма более губительное - мороз или жара?

- Все зависит от индивидуального организма. Например, во время экспедиции на Северный полюс негр из Нью-Йорка умудрился обморозить "пятую точку" - место, которое нормальный человек не обморозит. Но его организм не приспособлен к таким условиям. Зато, думаю, где-нибудь в Африке он был бы незаменим, и это ему бы пришлось меня лечить от тропических болезней.

- Как участники экспедиций переносят долгое вынужденное пребывание в одной компании?

- Группа больше двух человек - это всегда вопрос психологической совместимости. Этому вопросу уделяют большое внимание. Мне страшно нравится эта игра в формирование команды. И я горжусь тем, что собираю такие команды для разных экспедиций, в которых никогда не ругаются. Может, бывает недовольство, но перевешивает понимание, что мы все зависим друг от друга и общий результат зависит от индивидуальных отношений. Иногда я даже не боюсь брать одного человека несколько другого склада, если в целом коллектив хороший подбирается.

- Ради чего вы шли на Северный полюс?

- Дойти достаточно один раз, чтобы понять - нет там ничего, кроме холода, льдов и открытой ледяной воды. Любопытно, конечно, испытать себя - дойдешь ли ты от края земли до полюса, но сама по себе такая задача - довольно слабая. И хочется сказать: "Ребята, не ходите!". Ей-Богу, что 90 градусов северной широты, что Северный полюс - разница небольшая с точки зрения того, как это выглядит. Сам полюс даже никак не обозначен. Ты приходишь в никуда и уходишь тоже в никуда. Обратите внимание, я никогда не ходил "на Северный полюс" и, тем более, не был поглощен этой идеей. В первый раз это был поход "через Северный полюс", мы

единственные ходили туда и обратно. Остальные доходят до этой точки, а обратно летят на вертолете. Это странно, ведь никому в голову не приходит подняться на Эверест и позвонить: "Эй, снимите меня отсюда!". Когда такое делают на Северном полюсе, я считаю это неестественным. В другой раз меня пригласили в экспедицию на Северный полюс, чтобы быть врачом команды ООН: нас было восемь человек из семи стран. Мне было за счастье побывать в такой команде - японец, негр из Бруклина, эскимос из Канады, моряк из Германии... Я никогда не ходил на Южный полюс, потому что точно знаю: я это сделаю. В Северном Ледовитом океане все движется, тебя постоянно уносит куда-то, надо вносить корректировки. Это ужас и драйв, которого не испытываешь по пути к Южному полюсу. Мне интересно решать задачи, которые не решались. На это стоит тратить время и рисковать.

Одной крови

- Вы сказали, что боялись ехать на Алеутские острова. Почему?

- Русские повели себя там типично, как колонисты во всем мире. На самом большом из островов жило максимум человек 300. Поэтому нашим легко было припугнуть местных, у русских были пищали и пушки, которыми они широко пользовались. Конечно, случались восстания местных, но реального сопротивления они не могли оказать. Погибшие не исчислялись тысячами, но мы боялись, что память о тех выстрелах и жертвах сохранилась. Тем более, мы не ожидали, что местные начнут бить себя в грудь и говорить с гордостью, что в их жилах течет русская кровь. До нас там не было ни русских, ни американцев, и никто понятия не имел, как там люди живут. Нам даже говорили, что ничего мы там не найдем. Поэтому один только этот факт - уже наш научный вклад, феномен, который мы открыли. Знакомые не могли в это поверить и с подозрением в голосе спрашивали: "Ты точно там был?". Тем более что наши находки расходятся с тем, что сохранилось в архивах в официальных документах. Кроме того, мы попали в такие "дыры", где никто не работал, и нашли документы XIX века, которые лежали там годами и до нас не были включены в научный оборот. Мы привезли книги и предметы старины для музея русского путешественника, который практически создан в Рязани. И мы увидели там на домах таблички с русскими именами, а в языке местных насчитывается до 300 заимствований из русского языка - над этим теперь работают лингвисты.

- Почувствовали себя первопроходцем?

- Думаю, мы, жители России, как и наши предшественники, по прибытии на Аляску и на Алеуты испытали примерно те же эмоции. Мысль об этом натолкнула нас на создание новой методологии - решили вносить в отчеты некий субъективный момент, включение личного участия и сопереживания. Этот чувственный уровень базируется на основе опубликованных книг, дневниковых записей, архивных документов, научных отчетов. Этот проект мы назвали "По следам русской географической славы".

Фото: Анна Школьная

Материал с интернет-ресурса газеты «Симбирский курьер» <http://simkr.ru>